

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

ВСЕГДА ВПЕРВЫЕ

НА ЛЮБОЙ театральной программке после названия пьесы и фамилии ее автора стоят, как правило, слова: «Действующие лица и исполнители».

Кто такие «действующие лица» — объяснять не приходится, тут все ясно. Но что касается определения «исполнители», то оно с давних пор кажется мне неточным и неясным. Особенно тогда, когда речь идет об истинно талантливом актере.

И ни в какой степени, конечно, не подходит это слово в применении к актеру, о котором хочется с вами поговорить. К актеру, которого многие из вас знают и любят, — Олегу Табакову.

Посудите сами: можно ли в ту минуту, когда Олег Табаков появляется на сцене, называть его «исполнителем»? Строка написанного драматургом текста всегда таит для него множество открытий. Открытия эти свежи, неожиданны, порою изумляют его самого, он вглядывается в каждую черту своего героя жадными, блестящими глазами, стремясь безошибочно понять, острой почувствовать все, о чем может думать «действующее лицо», понять, каков у него нрав и повадки, какую жизнь прожил этот человек до того, как появился на сцене. Табаков не исполняет роль, — нет. Он создает свой собственный сценический образ, лепит этот образ, как скульптор, рисует его, как график, выверяет и слышит звучанье его речи, как музыкант. Все это он делает с наслаждением, со страстью, с безудержной, упоенной творческой энергией.

У каждого искусства есть свое чудо; в театре — это чудо перевоплощения.

До начала спектакля в актерский подъезд входит обыкновенный человек с его ежедневными делами, бытовыми заботами, повседневной жизнью. Он здоровается с товарищами, с кем-то шутит, с кем-то спорит, привычно переодевается, привычно вглядывается в зеркало, стоящее на столике, заваленном гримировальными принадлежностями... Но в какую-то из минут повседневность отступает от него, подобно тому, как отступает вода в час отлива, уходя в лиловую океанскую синеву. Все напругается в его душе, — и на сцену выходит совсем другой человек, с иными страстями и влечениями, с иными свойствами и характером, переживший то, чего актеру, быть может, никогда не доводилось переживать, и что, тем не менее, он чувствует так полно и остро, словно прошел сквозь все это сам.

Если бы оказалось возможным собрать одновременно всех героев пьес, которых играет Олег Табаков, это было бы до удивительности пестрое собрание столь не похожих друг на друга людей, что в реальной жизни они вряд ли могли бы ужиться рядом. Как же в состоянии вместить их всех одна душа? Однажды я

Татьяна ТЭСС

спросила Табакова об этом, и он ответил, что бывает пора, когда образы толпятся в нем, пытаются оттеснить друг друга, порою даже сорятся и враждуют, но происходит это только до той минуты, когда он начинает работать над следующей ролью.

Едва его сознание поглощает новая страсть, как все образы, созданные ранее, уступают ей место. Они уже не шумят, не теснят друг друга, а уходят в глубь души, продолжая расти в ней, но бесшумно, потаенно, не мешая тому новому и главному, что постепенно ее наполняет.

КОГДА-ТО один из выдающихся наших музыкантов на вопрос, какое качество он считает в человеке главным, ответил:

— Приверженность к доброте.

Мне кажется, что в основе таланта Олега Табакова, в нравственном фундаменте его дарования лежит это сложное и тонкое чувство. Это совсем не значит, что Табакову сродни только так называемые положительные герои. Среди его персонажей есть люди, которые нам близки и дороги, но есть и такие типы, которых бы мы, к примеру, не пустили к себе даже на порог. Но чем ярче показывает этих типов Табаков, чем беспощадней забирается в самые глухие закоулки их существа, тем сильнее ошутимо чувство «противоборства» нравственным чертам, которые актер бесстрашно обнажает.

Олег Табаков — добрый талант, но его доброта не однозначна: она определяет не выбор им ролей, а его отношение к ним. И это талант счастливый: зрители Табакова любят.

Что ни говори, мир театра полон волшебства, и, кроме чуда перевоплощения, существует еще и другое чудо, которое в просторечье называется любовью зрителей.

Есть актеры, которых зрители ценят, стремятся попасть на их спектакли, увлеченно спорят о новой пьесе, новой роли. Но это все: чуда нет, чуда не происходит.

Но вот выходит на сцену другой актер, — и вдруг в зрительном зале ощущается неуловимая перемена. Меняется то, что можно назвать «составом» внимания зрителей: оно становится обостренней, тоньше, наполняясь ни с чем не сравнимой теплотой глубокого личного общения. Актер уже не просто «действующее лицо», а близкий зрителям человек, за каждым словом, каждым жестом которого зрители следят со счастливым напряжением; искусство его как бы смыкается с их собственной жизнью. Эти минуты драгоценны, ибо они согреты дыханием высокого чувства.

Такое чувство не остается без ответа. Для Олега Табакова общение со зрительным залом — всегда радость, всякий спектакль для него праздник. Напор его творческой энергии поражает своей силой и прочностью, он не бережет себя, «выкладываясь» в каждой роли, увлеченно и самоотверженно расточая все богатства, какими владеет.

Но щедрость истинного художника всегда оборачивается счастливой стороной: чем самоотверженней отдает он себя искусству, тем больше получает взамен. Антон Павлович Чехов говорил, что исписывается только тот литератор, который мало пишет. Эти слова можно отнести к любому виду творчества. Работа никогда не опустошает душу, усталость после доброго рабочего дня трижды благословенна, потому что в ней невидимо зреют новые силы, новые зерна, готовые выбросить свежий, тугой росток. Существуют известные слова о том, что вдохновение — высокий гость, надо, чтобы он всегда заставал нас за работой. Да простится мне, если я повторю эти слова снова: в них заложена истина, дорогая всякому человеку, любящему искусство.

Я НЕ СОБИРАЮСЬ подробно разбирать все созданные Табаковым образы, все роли, сыгранные им в кино или в театре «Современник», с которым кровно связана его творческая судьба. Но есть у его работ особенность, о которой хочется обязательно сказать, ибо характерна она не только для него, а и для театра «Современник» в целом. Сколько бы раз ни появлялся на сцене Табаков в одной и той же пьесе, одной и той же роли, — эта роль не застывает, на ней никогда не появляется тусклый нагар повседневности, «обкатанности»: он играет ее с той же свежестью и увлеченностью, что и впервые, как бы сам изумляясь неожиданности новых, взрывающихся, как шампанское, находок.

Сколько бы раз ни шел на сцене «Современника» один и тот же спектакль, в нем не заметишь «распада чувств», не увидишь какого-либо признака постарения, обмеления, увядания красок. В нем всегда ошутима горячая молодая кровь. Более того: прочно выстроенный спектакль часто «с возрастом» становится глубже и значительнее.

Любовь зрителей к актеру неотделима еще от одного чувства: оно называется доверием. С этим чувством зрители приходят на спектакль, зная, что любимый актер их не обманет, отдаст им все, чем владеет, доставит прекрасные минуты волнения и радости. Как правило, такое доверие взаимно: актер верит зрителям, их пониманию, их чуткости и душевной глубине. Именно поэтому мне хочется сказать несколько слов о работе Олега Табакова в спектакле «Обыкновенная история».

Спектакль этот, удостоенный Государственной премии СССР, был поставлен в «Современнике» около десяти лет назад. Сейчас

спектакль идет снова, и Олег Табаков снова играет в нем Александра Адуева. Табаков и теперь по возрасту молод, а по внешности очень молоджав. Все же сейчас он, конечно, много старше своего юного героя, а годы, как известно, ни для кого не проходят даром, не оставляя следа.

Но вот что удивительно: на премьере спектакля очень молодой Табаков, подгримированный, с взбитым коком над лбом, старался выглядеть еще более юным, совпасть полностью с возрастом своего героя. Прошло немало лет, — и Табаков играет того же Александра Адуева без грима, не стараясь выглядеть моложе, оставаясь по внешности самим собой. Он даже не меняет своей обычной прически, не взбивая кока, не надевая театрального парика: пепельные волосы свисают и падают на его лоб, как всегда.

И все же он несет с собой юность. Глаза его полны юного блеска, от него веет свежестью, неискушенностью, и до того естественна и убедительна эта молодость внутреннего состояния, что вроде и не требовалось помогать ей гримом: в этом не было нужды.

— Так более честно, без подделки, — объяснял он мне. — Если тебе верят — так верят...

И зрители ему верят. Верят неискушенной юности Адуева, верят его душевным движениям. И чем глубже это доверие, тем разительней ощущение перемены, происшедшей с героем в финальной сцене, когда тот же Адуев предстает перед зрителями в новом облике, в новом качестве, предав самого себя. В «Обыкновенной истории», — так же, к примеру, как в телеспектакле «Шагреневая кожа», — проявляется одна из черт дарования Табакова: герой, которого он играет, изменяется на наших глазах, изменяется до боли, до неузнаваемости, и напрасно в чертах эгоистичного, жадного, ко всему глухого человека мы ищем того Адуева, которого только что видели и знали.

У КАЖДОГО художника бывает в его творческой жизни «главный человек», Учитель с большой буквы. Для Олега Табакова, в начальную его пору, когда он учился в школе-студии при МХАТе, таким «главным человеком» и учителем стал Василий Осипович Топорков. В судьбе художника, как ни странно, подчас имеет важное значение не только успех какой-либо его работы, но и его неудача. Именно это произошло в школе-студии с Табаковым.

Роль Хлестакова, которую он страстно мечтал сыграть, ему не давалась: сколько бы он над ней ни работал, Хлестаков, для образа которого он, казалось, был создан, от него ускользал.

Он видел, что Топоркову не нравится то, что он делает, видел, что учитель огорчен его неудачей, и это мучило его еще больше. И вот однажды Топорков остановил Олега на середине фразы, открыл книгу и стал читать вслух. Это было предисловие Рудого Панька к «Вечерам на хуторе близ Диканьки».

И вдруг произошло чудо.

Топорков читал о дынях, — и Олег видел эти дыни, их золотистую кору в узких пахучих трещинах, ощущал во рту их вкус. Топорков читал о меде, — и Олег видел этот мед, тяжелые, полные тягучего золота соты, от которых сладкий дух идет по всей комнате, а сам мед, — до чего же чист, «как слеза, или хрусталь дорогой, что бывает в сергах». Он видел Диканьку, ее сады, столбовую дорогу, мальчишку, пасущего гусей, — видел все, о чем с такой поразительной, безошибочной простотой рассказывал учитель. И чем дальше длилось это волшебство, тем ясней понимал ученик собственные ошибки.

Хлестакова Олег Табаков все-таки сыграл, но много позже.

Сыграл в Чехословакии, по приглашению одного из театров Праги; спектакль прошел с огромным успехом. Известно, что жизнь строит иногда такие мизансцены, каких не придумать самому избобрательному режиссеру. Случилось вот что: в дни премьеры В. О. Топорков случайно оказался в Праге, был на спектакле, и спустя много лет посчастливилось все же ученику услышать от учителя слова похвалы за работу, которая когда-то ему мучительно не давалась.

В жизни человека искусства иногда наступает решающий час, когда бывший ученик сам становится учителем.

Не знаю, наступил ли уже для Олега Табакова этот час, но знаю точно, что ни о чем не говорит он с таким жаром и увлечением, как о таланте молодых актеров. Он умеет верить чужому таланту, верить умно, требовательно; он умеет различать дарование, даже если оно еще не очищено от незрелой скорлупы, помогать ему вырасти, вдохнуть в него силу.

Человек, о котором я вам сейчас рассказала, обладает способностью влюблять других в то, во что влюблен сам, ибо он страстно и безоговорочно верен главному делу своей жизни.